

RUGRAM

МИХАИЛ ЛЮБИМОВ

Раненый ангел

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 82-43
ББК 84(2Рос-Рус)6
Л93

Любимов М.

Л93 Раненый ангел / Михаил Любимов. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2021. — 383 с. — (Серия «Пальмира — проза»).

В книгу вошли автобиографические рассказы, документальные повести, эссе советского разведчика и писателя Михаила Любимова (р. 1934).

УДК 82-43
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-04511-9

© Любимов М. П., 2021

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящается раненому ангелу. Он жив и здоров, мы порой встречаем его на улицах и в метро. Раненый ангел невидим, но он постоянно с нами, он спасет нас от дурных поступков, он смеется и плачет вместе с нами, он укрепляет веру в Бога и в Человека. Он бродит и по этой книге — «Раненый ангел» — сборной солянке из беллетристики и публицистики. Невозможно уйти от разведки — эта нежная девушка вцепилась и прошла сквозь меня, как война через сердца многих писателей-фронтовиков. Посему я начинаю с «Как меня не раз вербовали». Далее документальные повести: первая о зверском убийстве Льва Троцкого Рамоном Меркадером и организаторах — его маме Кардидад Меркадер и колоритном, героическом боевике Науме Эйтингоне, вторая — о побеге из лондонской тюрьмы советского разведчика Джорджа Блейка и о его спасителе, пьянчуге и уголовнике Шоне Бэрке. Эссе о драме могучей советской разведки 30-х годов, о Киме Филби, о старых чекистах — собственном отце Петре Федоровиче и его друге генерале-сидельце Викторе Ильине. Честное и почтенное о последнем шефе советской разведки, афористичном Леониде Шебаршине и моем первом учителе и друге Леониде Зайцеве. Ну и как я могу не пропеть песнь любви прекрасным дамам — шпионкам, прежде всего, нашим родным? Но разведка надоедает, как еже-

дневная овсяная каша, посему раненый ангел вытаскивает на свет мою бурную драчку с блистательным писателем Евгением Поповым и эссе об английском классике, в прошлом тоже шпионе, Джоне Ле Карре. Но время сейчас у нас напряженное, хочется остренького, посему извольте нечто поучительное о ядах, может пригодиться в повседневной жизни. Наших правителей тоже чешется лягнуть, а разве нет повода? Тут и вопли несчастного диабетика, и просто честного гражданина, которого филигранно и грубо обжуливают на каждом углу. Для вымирающей интеллигенции (если она еще существует) мысли о Хеме и его роли в моей жизни. Но разведка так просто не разожмет свои лапы — вот и новые стрелы в британскую секретную службу и ее агента, орденосца ее величества, коллеги по КГБ и, увы, предателя Олега Гордиевского. Заодно нечто потрясающее о невероятной роли мандавошек в истории спецслужб — тут мой раненый ангел зажал нос. Дабы взбодрить его и читателя — немного о сумасшедшем мире, в котором мы живем: водопады несусветных фейков, грызня вокруг итогов войны, отравленные Скрипали и Навальный, идиотская политкорректность, белорусские жанны д’арки и, конечно же, вільна Украина, где родился автор, путешествие на черноморские берега, в любимый Крым. Но ведь известно, что скучно на этом свете, господа! Скучно и самому раненому ангелу, и всем нам, возможно, маленьким ангелам. Посему последнее, хохочущее блюдо «Немного улыбки», тут исповедальный документ — отчет юного автора, блестящие из различных шпионских книг и просто живот раздирающие хохмы. Прощальный удар кисти: вместо невыносимо сухих «лайков» и мяукающих «вау!» предлагаю сомкнуть бокалы и выпить. Комедия окончена, леди и джентльмены, *finita la comedia!*

Автор

КАК МЕНЯ НЕ РАЗ ВЕРБОВАЛИ

Эта была самая настоящая жар-птица. Та самая, которую я разыскивал и на дипломатических банкетах, которые симпатичный бородач-миллионер Губельникян закатывал в отеле «Дорчестер», и в барах около Уайтхолла и прославленной Даунинг-стрит 10, туда выскакивали перекусить и выпить свои полпинты чиновники этих высокосекретных учреждений. Я даже слонялся по дансигам и ночным клубам в надежде, что судьба смилостивится надо мною, и жар-птица, играя всеми неопикуемыми красками, порхнет ко мне прямо с неба. Но в дансингах в моих пылких объятиях оказывались не шифровальщицы, а игривые прачки, ищущие дружков и женихов...

Капризная Фортуна вертит нами, как ей заблагорассудится, она толкает на бесконечный поиск, и ты копаешься в помойной яме в поисках жемчужного зерна, страдаешь и сжимаешь кулаки от ярости. И вдруг... И ВДРУГ! Я принял этот бесценный дар на сборище квакерского «Комитета Запад-Восток», где собирались отнюдь не насупленные патеры, а мобильные журналисты, дипломаты и чиновники Форин-офиса, главным образом, из отдела исследований — гнезда спецслужб. Там время от времени читали лекции яйцеголовые и высоколобые, поднимая и решая проблемы всеобщего мира и безопасности. Опосля подавали чай с крекерами,

и присутствующие знакомились и живо обменивались своими грандиозными идеями.

— Рад познакомиться. Винсент.

Мы обменялись улыбками, рукопожатиями и визитными карточками. Высокий, как жердь, с чуть насмешливым взглядом сверху вниз, с умными невыразительными глазами, прикрытыми скромными очками, в невыразительном темном костюме с галстуком в горошку («бабушкина юбка»). Когда из визитной карточки я узнал, что Айвор Винсент руководит отделом коммуникаций Форин-офиса, то оторопел (хорошо, что не взмокли брюки). Этот отдел — шифровальная служба, сердце всех британских секретов, мечта любого шпиона! Жар-птиц такого полета мне раньше не доводилось встречать, хотя по положению бывали и повыше: министры, лидеры партий. Но эта политическая братия, как правило, лишь надувает щеки, а секреты просто не замечает, они — обычные трепачи на фоне главного командира всех шифровальщиков ее величества. Политики приходят и уходят, но обслуживающий механизм незыблем, и нет для разведки большего лакомства, чем перехватить вражеские коммуникации, расколоть шифры и коды, а потом читать в экстазе все секретные телеграммы — это и есть высший пилотаж, это и есть звездный час шпиона.

И я ухватил жар-птицу за хвост и намекнул на желательность будущего общения. Резидент встретил это известие с недоверием: по советским меркам таких пернатых, как зеницу ока, охраняла стража, им не только строго запрещалось даже нюхать иностранные зерна, но и дальних родственников держали под контролем: вдруг они станут добычей врага, попытаются прорваться прямо в жар-птичье гнездо! Неужели такая высокая персона, занимавшая пост, столь чувствительный для национальной безопасности, слоняется по квакерским лекциям и общается с дипломатами, словно какой-то замшелый интеллектуал из Лондонской школы экономики? Простудировали официальный справочник

Форин-офиса: Айвор Винсент не пускал пыль в глаза, все соответствовало действительности. Может, в гороподобных архивах ЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ, где даже на вошь можно найти компромат, таятся сведения об объекте? Запросили Центр — в ответ лишь холодное «по учетам не проходит». И вдруг через два дня леденящая душу телеграмма: «Винсент представляет чрезвычайный интерес, работу с ним вести с максимальной осторожностью».

Разведка отнюдь не во всех случаях таится от мира под полом, как нашкодившая мышь, хорошо известных людей принято окучивать «в рамках официальных отношений», не прибегая к конспирации, вызывающей обычно испуг у клиента и настороженность у наблюдающей стороны.

Не светить!

Посему я не стал теревить Винсента звонками из загородного телефона-автомата, предварительно озверело прокрутившись на машине по переулкам для выявления возможной наружки, а вновь чинно двинулся к квакерам на лекцию о международном положении (до сих пор не понимаю, почему они занимались просветительством, а не сеяли «опиум для народа»). Жар-птица туда прилетела, и за чашкой ароматного «Эрл Грей» мы покалялкали секунд тридцать, не больше — я боялся, что остальные любители чая могут подметить мой повышенный интерес, а это — конец разработки. И снова удача: оказалось, что мы чуть ли не соседи, и живем рядом с Гайд-парком, где Винсент прогуливает своих детей.

В шестидесятые годы советские дипломаты жили в Лондоне как церковные крысы и завидовали нигерийским представителям, раскатывавшим на «ягуарах» и содержавшим многочисленную прислугу. Иностранцев домой мы не приглашали, дабы не пугать их видами допотопных лачуг в стиле пауперов из Ист-энда, но интересы дела требовали «представительских помещений», позволявших устраивать домашние вечеринки. С этой благородной целью совсем недавно меня с коллегой переселили из тусклой коммуналь-

ной комнаты с видом на помойку в особняк на Почестер-террас, что рядом с Гайд-парком.

На первом этаже располагалась гостиная для светских раутов, куда долженствовало приглашать и опаивать нужных людей (святое место, прекрасно обставленное и даже с картинами на стенах). Второй этаж был уже не блеском, а нищетою куртизанок, он состоял из трех комнат: в двух, обставленных рухлядью со склада посольского завхоза, перебивались наши семьи, а третью комнатку жены использовали для глажки и отдохновения от визга детей.

Кому пришло бы в голову, что молодой дипломат во фланелевом костюме, угощавший устрицами и «Редерером» в «Рице» или «Савое», ютился с женой и ребенком в одной комнатухе, как жалкий люмпен, мечтающий о тарелке овсяной каши?

— Неужели находите время гулять с детьми в рабочие дни? — вроде бы наивный вопросик жар-птице.

— Увы, только в субботу... утром.

Значит, в субботу, зарубим на носу: в субботу! Пришлось отменить традиционный выезд на рынок Портабелло, где закупали по дешевке овощи-фрукты, и после завтрака вместе с женой выкатить сына в коляске в Гайд-парк — здоровая советская семья на прогулке, любо-дорого посмотреть! И снова удача: долговязая фигура у озера Серпантайн (там утонула жена поэта Шелли — Мэри, создатель «Франкенштейна!»), в вельветовых брюках, словно изжеванных коровой, в стареньком свитерке, естественно, небритый. Типичный английский вид во время уикенда, это вам не чопорная Вена, где в выходные дни мужики выражаются в лучшие костюмы и галстуки и непременно прикрывают свои лысины венскими шляпами, а дамы напяливают на себя дорожные платья и даже тусклую таксу придевают в модную попону.

Трое маленьких детей (а может, и меньше, может, от счастья у меня двоилось и троилось) и очень говорливая, замученная своим выводком жена, к тому же ирландка (NOTA